

Н.И. Надеждин

Всем сестрам по серьгам

(Новая погудка на старый лад)

Оригинал здесь -- <http://www.philolog.ru/filolog/writer/nadejdin.htm>

Надеждин Н.И. Литературная критика. Эстетика. - М., 1972.

Fungar vice cotis, acutum

Reddere quae ferrum valet, exsors ipsa secandi.

Horat. {*}

{* Стану же должность бруска отправлять я: сам он не режет, но зато он железо острит. Гораций (*лат.*). --
Ред.}

Удивительно, как течет время! Не успеешь заглянуться на минутку, как то, что было перед тобою, становится за тобою, и неожиданная будущность, разъехавшись с настоящим, поглощается и исчезает во мраках прошедшего. Сколь ни велико мое уважение к патриарху критической философии, признаюсь, лукавый демон недоумения, им же самым подушаемый, нашептывает мне часто сомнение в том, чтобы *время* было действительно одна только *форма внутренних наших ощущений*, которою якобы мы сами клеймим представляющиеся нам видения. Ежели бы это было точно так, то отчего бы могла происходить эта беспрестанная разладица со временем, на которую редкой из нас не ропщет? Отчего, вопреки всем нашим желаниям и усилиям, оно себе

...идет

Вперед, --

и оставляет далеко за собою всех, играющих с ним в перебежки? Что бы помешало, примером сказать, моей почтенной тетушке Агафье Петровне, у которой причуды и прихоти юности переживают отцветшую юность, -- что бы помешало ей пропускать как можно реже роковой Агафьиной день из ворот вечности, когда бы ключ от них хранился у ней в ридикюле, на одном колечке с ключиком от ее заповедного ларчика с розовенькими и голубенькими записочками? И ежели бы у наших сметливых журналистов таможня времени находилась точно так же под руками, как их конторы: каким бы образом даты, выставляемые на их летучих или ползучих произведениях, могли так часто и так много разниться с календарями обоих стилей?.. Нет! Кто что ни говори -- а время тиран наш: не оно под нами, а мы под ним. И если оно действительно есть *преждеопытное* порождение души нашей, то мы должны сознаться, что не один Шекспиров Леар имел несчастье страдать от непокорства детей своих.

Сии антикантианские мысли, западавшие и прежде мне в душу, пробуждены были во мне с новою силою третьего дня глухим шумом ветра, заносившего снежными хлопьями окна моей уединенной каморки. Приютившись после обеда в больших зыбучих креслах, с трубкой во рту и без цели для мыслей, я невольно вслушивался в гул этой северной эоловой арфы и невольно бил такт четвертою, слишком укороченною временем и обстоятельствами, ножкою моих кресел. Такое блаженное состояние небрежного сочувствия с брызжащею природою могло б кончиться для меня, как и для многих других, совершенным бездумьем, если б внезапная потеря равновесия -- с неучтивостью, свойственную всем явлениям вещественной жизни -- не перервала рифмического движения моего тела, убаюкивавшего и душу к сладким мечтаниям без предмета и цели, достойным любимой *романтической* балалайки. "Тфу пропасть!" -- вскричал я, нагибаясь, чтобы поднять трубку, выронившуюся у меня изо рта во время скоропостижного ниспадения в мир действительный. И -- по обыкновению человеческого вымещать досаду свою на предметах, виноватых только потому, что занимали нас прежде -- я обратился с поклепами на шум, дотоле меня лелеявший. "Какой несносный ветер! Какая неугомонная метель! Какой могильный сумрак!" Так бормотал я, усаживаясь опять sur mon seant {на свой зад (*франц.*). -- Ред.}, как говорят